

Ден
Вайт

БЕЗУМНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Семья (не) по любви

Элен Вайт

Безумное завещание. Семья (не) по любви

<https://litres.ru/74345984>

Аннотация

Судьба подкидывает бортпроводнице Арине в ее юном возрасте немало испытаний. Но главным из них становится фиктивный брак с богатым бизнесменом Владиславом Ковалевским. Девушке надо спасти младшего брата из лап опеки, а Владу получить в наследство полное владение семейной компанией. Просто идеальный союз, холодный расчет и ничего больше. Но главное условие завещания Арине знать не обязательно...

Здесь вас ждет:

Много эмоций

Сильная героиня

Адекватный герой

Отсутствие мата

Приятного чтения)))

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

Влад

Завывание двигателей самолета врезается в барабанные перепонки. Смотрю в иллюминатор, на белые хлопья облаков, плывущих внизу. Вчера в Петербурге умер мой отец. Теперь я лечу на похороны и на оглашение завещания. Рядом Женя, мой лучший друг, нервно постукивает пальцами по подлокотнику.

Он знает, что я сейчас чувствую. Или думает, что знает. Никто не может до конца понять, каково это – потерять отца. Особенно так внезапно, когда еще вчера мы разговаривали по телефону, а сегодня... сегодня я лечу в Питер, чтобы присутствовать на его похоронах.

- Она просто так не отдаст тебе наследство, – повторяет он в который раз, его голос едва слышен из-за гула двигателей.
- Ты же знаешь эту Анжелику.

Я знаю. Знал отца, знал его любовь к экзотике, его слабость к красивым и, чего уж греха таить, меркантильным женщинам. Анжелика появилась в его жизни внезапно, словно джинн из лампы. Молодая, яркая, амбициозная. Отец, ослепленный внезапной страстью, потерял голову. А теперь... теперь она – хозяйка положения.

- А куда она денется? Если отец оставит завещание на мое имя, то она уже ничего не сможет предпринять. – усмехаюсь

я.

Но липких холод все равно пробегает по спине. Эта женщина непредсказуема. Сюрпризы от Анжелики хорошего не предвещают. Я помню ее взгляд, когда отец впервые привез ее в Москву. Взгляд хищницы, изучающей добычу. Она всегда смотрела на отцовскую квартиру, на его машины, на его счета так, будто все это уже принадлежит ей.

Женя вздыхает:

- Влад, будь готов ко всему. Она зубами будет драться за наследство.

— Это мы еще посмотрит.

Внешне я остаюсь совершенно спокойным. Но внутреннее чутье зудит, как старая рана, не давая до конца расслабиться. И мне есть за что переживать. Не то чтобы я жаждал наследства, но семейная компания – это не просто активы и прибыли. Это дело всей жизни моего отца, да и моей тоже, чего уж там скрывать. Мы вместе ее строили, кирпичик за кирпичиком, и теперь все может рухнуть, как карточный домик.

Ситуация проста, как сломанный карандаш. Семейная компания принадлежит нам с отцом вдвоем. И если отец оставил свою долю этой... этой Анжелике, то у меня будут серьезные проблемы. Не просто головная боль, а настоящая война. Она, конечно, будет улыбаться мне, или лить крокодиловы слезы, но за всем этим будет только холодный, расчетливый блеск.

Мачеха не понимает, что значит эта компания для меня. Для нее это просто куча денег, инструмент для достижения своих целей. Она продаст, разрушит, разбазарит все, что отец строил годами. И я не могу этого допустить. Не имею права.

– Я уверен, что будут какие-нибудь условия, точно, – говорит Женя, его голос, как и мой, слегка дребезжит от гула самолета. Он явно пытается разрядить обстановку, но напряжение висит в воздухе, словно наэлектризованная пыль.

– Неужели наследство в обмен на жену? – Я усмехаюсь, придавая голосу легкость, которой не чувствую внутри. – И где мне ее взять? Не с неба же упадет.

И будто по заказу, все вокруг нас внезапно дергается. Самолет ощутимо трясет, словно попали в воздушную яму. Мимо нас проходит молоденькая бортпроводница, и ее просто сдувает с ног. Она не удерживается, теряет равновесие и летит прямо на меня, падая мне на колени.

Инстинктивно вытягиваю руки и ловлю ее. Лицо девушки – испуганное и растерянное – оказывается совсем близко. Легкий запах ее духов, что-то свежее и цветочное, мгновенно проникает в мои ноздри.

– Ох, простите, пожалуйста! – выпаливает она, краснея. Ее щеки заливаются румянцем, словно она нашкодила, а не просто стала жертвой турбулентности. В ее глазах плещется искреннее сожаление, и это, признаться, подкупает.

– Все хорошо, – отвечаю, помогая ей подняться. – С

кем не бывает. Я ощущаю тепло ее руки, когда помогаю ей встать. Короткое, мимолетное прикосновение, но почему-то оно оставляет легкий след. Она отстраняется, поправляя свою униформу, и я вижу, как дрожат ее пальцы.

Замечаю бейджик на ее груди – Арина. Она опускает глаза, явно смущаясь, и начинает торопливо собирать рассыпавшиеся по проходу салфетки.

В этот момент самолет снова слегка трясет, и я машинально придерживаю ее за локоть, чтобы она снова не упала. Она вздрагивает от моего прикосновения, поднимает на меня взгляд, и на мгновение наши глаза встречаются. В ее глазах я вижу не только смущение, но и что-то еще... какое-то любопытство, что ли? Или мне просто кажется?

– Еще раз простите, – шепчет она и, быстро собрав все, скрывается в другом салоне.

На вид совсем юная, наверное, только начала работать.

Женя толкает меня локтем, шепнув:

– Ну что, вот и твой сюрприз с неба свалился. Бери, пока дают. Наследство в обмен на жену, помнишь?

– Брось, – отмахиваюсь, стараясь сосредоточиться на предстоящих делах с наследством. – Не до шуток сейчас. Внутри все скручивается в тугий узел. Мне предстоит встреча с Анжеликой, разборки с адвокатами, возможно, даже судебные тяжбы. Сейчас совершенно не до романтики, даже если эта самая романтика упала на меня в буквальном смысле слова.

– Да ладно тебе, Влад, расслабься, – не унимается Женя. Он всегда был мастером упрощать сложные вещи. – А девчонка ничего так, симпатичная. Может, это судьба?

Я бросаю на него усталый взгляд. Судьба? Серьезно? Моя судьба сейчас – это разобраться с завещанием отца и не дать мачехе, пустить на ветер все, что мы с отцом строили годами.

Но, несмотря на все мои попытки отмахнуться от этой мысли, образ Арины не отпускает. Ее испуганный взгляд, неловкость, легкий аромат цветов... Все это как-то диссонирует с той гнетущей атмосферой, которая сейчас меня окружает.

Арина снова проходит мимо меня и Жени. И я невольно провожаю ее долгим взглядом. Она идет вдоль прохода, поднося напитки пассажирам, и каждое ее движение кажется каким-то... грациозным, что ли? Не могу подобрать другого слова. Она улыбается пожилой паре, что-то тихо говорит ребенку, и в ее улыбке нет и тени наигранности.

Женя что-то рассказывает мне о предстоящей встрече с адвокатами, но я почти не слушаю его. Мой взгляд прикован к Арине. Она останавливается возле мужчины средних лет, что-то спрашивает его и наклоняется, чтобы он услышал ее лучше из-за шума двигателей. И в этот момент я ловлю себя на мысли, что хотел бы оказаться на его месте.

Она отходит от него и, словно почувствовав мой взгляд, поворачивается в мою сторону. Наши глаза встречаются на мгновение, и я невольно улыбаюсь. Она слегка кивает в от-

вет, и в ее глазах я вижу легкий намек на улыбку.

Глава 2

Арина

Сгорая от стыда, я буквально летаю по салону между рядами, стараясь угодить каждому пассажиру. Обслуживание бизнес-класса оказалось настоящим испытанием. Высокие требования, капризные клиенты – все это давит на меня, но я держусь, вспоминая наставления Ольги, старшей бортпроводницы, которая сильно подвернула ногу, что не может даже наступить на нее теперь

- Улыбайся, Ариша, что бы ни случилось. Люди чувствуют твою энергию. И помни: ты лицо компании.

Сердце колотится, как у пойманной птицы. Только бы никто не заметил, как я вся дрожу после этого нелепого падения. Как назло, эти два типа сидят, ухмыляются. Особенно тот, на которого я приземлилась. Надеюсь, я не оставила пятно на его дорогом пиджаке. Боже, как неловко!

- Кофе или чай? – спрашиваю у солидного мужчины в возрасте, не смотря ему в глаза. А он окидывает меня похотливым взглядом с головы до ног. Глубоко вздыхаю, уговаривая себя не сорваться.

Подношу напитки женщине в огромных солнцезащитных очках.

- Сахар? – спрашиваю вежливо. Она молча кивает, даже не взглянув на меня.

- Еще что-нибудь желаете? – спрашиваю у молодого человека с ноутбуком.

- Виски со льдом, – отвечает он, не отрываясь от экрана. – И побыстрее!

Кажется, этот полет никогда не закончится. Я мечтаю о том, чтобы спрятаться в маленькой кухоньке и просто выдохнуть. Но нет, я должна всем улыбаться и быть обходительной. Ольга рассчитывает на меня. И я не могу ее подвести.

Фух, последняя порция. Ноги уже гудят от каблучков. Мне остаётся всего несколько шагов до молодого человека, который заказал виски, как самолет опять начинает трясти. Не просто покачивать, а именно трясти, как осиновый лист на ветру.

- Вот черт, - проносится у меня в голове. Я инстинктивно хватаюсь за спинку ближайшего кресла, но этого недостаточно.

Поднос предательски скользит в руках. Я пытаюсь удержать его, но бесполезно. Лед позвякивает, виски плещется через край. И вот, в замедленной съемке, я вижу, как янтарная жидкость взлетает в воздух и обрушивается... на того самого мужчину. Того самого, который поймал меня во время предыдущей турбулентности.

- О, нет! - вырывается у меня невольный стон. Я вижу, как виски стекает по пиджаку, пропитывая его рубашку. Он вздрагивает от неожиданности и холода.

Стою, как вкопанная, с пустым подносом в руках, краска

мгновенно заливают лицо. Кажется, время остановилось. Я не знаю, что сказать, что сделать. Только сейчас я осознаю всю нелепость ситуации. Этот день просто создан для конфузов.

- Мне так жаль! Прошу прощения! - выдыхаю я, наконец, выдавливая из себя хоть что-то. — Я... я сейчас же это уберу.

Мои руки дрожат, пока я ищу салфетки в кармане фартука. Но мужчина поднимает руку, останавливая меня. В его глазах мелькает что-то, чего я не могу понять.

- Не стоит, - говорит он тихо. — Ничего страшного.

Наши взгляды снова встречаются, и я замираю. В этот раз в глазах мужчины нет и тени насмешки, лишь что-то, смутно напоминающее сочувствие. Неужели я ошибалась в нем?

- Не ушиблась? - участливо спрашивает он, и я невольно удивляюсь его тону.

- Нет, все хорошо, - отвечаю я, стараясь казаться неприкосновенной, но тут же морщусь от острой боли в бедре. Черт, все-таки я приложилась о подлокотник кресла.

- А я вижу, что нет, - усмехается он, но в его голосе нет злорадства. — Вроде, во время такой турбулентности бортпроводницы тоже должны быть пристегнуты?

- Да, вы правы, - бормочу я, наклоняясь, чтобы поднять злосчастный стакан, все еще валяющийся на полу. Стекло, к счастью, не разбилось.

И еще раз извинившись, ухожу, держась за спинки сидений, чтобы не упасть снова.

Самолет ощутимо трясет, но я даже не вздрагиваю. Турбулентность стала для меня обыденностью, рутиной, неотъемлемой частью работы. Застегиваю ремень, убеждаясь, что сижу надежно на своем месте бортпроводницы рядом с Ольгой, нашим старшим бортпроводником.

- Как нога? - спрашиваю я, невольно поджимая губы. Ольга, добрая и понимающая, улыбается в ответ.

- Уже лучше. Арин, да не переживай ты так, ну, с кем не бывает. — Ее рука накрывает мою, успокаивая. — И я тоже падала. Правда, никогда не удавалось упасть на колени к такому шикарному мужчине, - смеется она, и я невольно улыбаюсь в ответ.

Вскоре капитан объявляет о снижении. Я расправляю складки на юбке, проверяю платок и снова иду в салон. Эта рутина успокаивает, возвращает чувство контроля.

Говорю четко, громко, но мягко, стараясь вселить уверенность.

- Пристегните ремни безопасности... Поднимите шторы иллюминаторов... Уберите столики...

И вот опять. Взгляд. Прямо на меня. Он сидит где-то в середине салона, у прохода. Тот самый мужчина. Влад? Так его называл друг? Темные глаза, немного насмешливое выражение лица. Замечаю на нем все: и легкую небрежную щетину, и дорогой костюм, и отблеск часов на запястье. Но взгляд мой скользит ниже, туда, где ремень безопасности еле заметно врезается в ткань рубашки. Аккуратно застегнут. Все как

надо.

Быстро отворачиваюсь, прохожу мимо. Сердце опять совершает кульбит. Глупо. Просто пассажир. Просто ремень безопасности. Но что-то в этом взгляде было... изучающее.

- Арина, надо успокоиться. – В который раз твержу я сама себе. – Нужно собраться. Посадка – это всегда немного стресс. Пассажиры, трап, суета. Сейчас не время думать о взглядах. Сейчас время работать.

Звук касания шасси о взлетную полосу – это всегда облегчение. Маленькая победа. Мы приземлились. Легкий толчок, и самолет начинает плавно катиться по взлетной полосе. Выдыхаю. В груди отпускает напряжение, скопившееся за время полета.

Дверь. Открываю дверь, чувствуя свежий воздух, ворвавшийся в салон. Ольга уже здесь. Она выглядит гораздо лучше, чем несколько часов назад. Видимо, таблетка помогла. Отлично. Она готова проводить пассажиров бизнес-класса. Ее очередь улыбаться и говорить заученные фразы о приятном полете.

Я же возвращаюсь в свой эконом. Здесь уже гул: люди спешат достать вещи с полок, звонят по телефонам, обсуждают планы. Автоматически улыбаюсь, помогаю с багажом, отвечаю на вопросы. Суета, обычная суета после посадки.

В этом хаосе мысли о Владе меркнут, отступают на задний план. Забываются, как плохой сон. Сейчас главное – помочь пассажирам спуститься по трапу, убедиться, что все в

порядке, что никто ничего не забыл. Сейчас я – часть механизма, отлаженного и четкого механизма.

Звонит телефон. Резкий трезвон вырывает меня из потока суеты, выдергивает из привычной рабочей рутины. Смотрю на экран – высвечивается имя: «Тетя Люда, соседка». Сердце екает, предчувствуя недоброе. Тетя Люда просто так не звонит.

- Арин, я не хотела тебя тревожить, - голос в трубке дрожит, - но от вас только что уехала скорая. Лидия Степановна умерла.

Мир вокруг на мгновение замирает. Звуки аэропорта стихают, лица проплывающих мимо людей расплываются. Лидия Степановна... Бабушка Лида... Моя любимая бабуля...

Глава 3

Влад

Суэта аэропорта, как отвратительное послевкусие дешевого кофе. Толпа журналистов, как стая голодных гиен, набрасывается сразу после выхода из рукава. Каждому что-то нужно: спросить, сфотографировать, подтвердить. Они – предвестники грядущих проблем, бюрократические церберы, охраняющие вход в мою новую, внезапно свалившуюся на меня, реальность. И вообще, что и зачем они здесь делают? Наверное, мачеха постаралась.

Машина забирает нас с Женей из аэропорта и везет в дом отца.

Анжелику я застаю в саду. Даже траурное платье не смягчает выражение ее лица. Камень. Застывшая маска скорби, фальшивая до тошноты. Она смотрит на меня так, словно я виноват в случившемся. Будто это я оторвал ему тромб и перекрыл им нужную вену. Сидит с бокалом вина, словно статуя, изображая убитую горем вдову. Играет роль, и играет плохо. Уверен, под слоем тонального крема скрывается торжествующая ухмылка. Ей-то смерть отца точно на руку.

Напряжение висит в воздухе, как густой дым. Каждый взгляд, каждое слово пропитаны подозрением и скрытой враждебностью. Все хотят кусок пирога, все претендуют на наследство. И я в центре всего этого дерьма. Но я не позволю

им. Ни черта не получают.

- Явился, Влад? - Бросает Анжелика, едва я подхожу ближе. Голос, пропитанный ядом, как всегда. Она даже не удосужилась встать, продолжая восседать в кресле, словно королева на троне. Вино в бокале колыхается, отражая закатное солнце, словно кровь.

- А ты надеялась, что не приеду? - Отвечаю ей, нарочито спокойно, нельзя показывать обуревающее меня бешенство. Она хочет меня спровоцировать, я знаю. Хочет выбить из колеи. Не дождется. – Разочарую тебя, Анжелика. Я здесь. И никуда не собираюсь.

Она делает глоток вина, бросая на меня холодный взгляд поверх края бокала.

- Ты опоздал. Все уже решено.

- Решено? - Усмехаюсь. – Не думаю. Пока я здесь, решения принимаю я. И поверь, дорогая мачеха, тебе не понравится то, что я решил.

Анжелика отставляет бокал на столик с таким грохотом, словно готовится к бою.

- Не смей мне угрожать, мальчишка. Ты еще молоко на губах не обсохло, а уже возомнил себя хозяином жизни?

- Жизни? - Повторяю ее слова. - Нет. Я хозяин наследства. И ты, Анжелика, получишь ровно столько, сколько я посчитаю нужным. Ни центом больше. Запомни это.

Я разворачиваюсь, оставляя ее в саду, в окружении роз, которые, я уверен, она ненавидит также сильно, как и меня.

Начинается игра. И я намерен выиграть.

Но тут резкий окрик Анжелики заставляет меня остановиться.

- Знаешь, дорогой мой пасынок, - тянет она слащаво, словно намазывает ядом мед, - насколько я знаю, твой отец составил очень странное завещание. Мне его адвокат намекнул.

Она играет в кошки-мышки, пытается вытянуть меня на откровенность. Но я не позволю. Поворачиваюсь к ней, скрестив руки на груди.

- Тебе не стыдно! - Цежу сквозь зубы. – Его еще не похоронили, а ты уже наследство делишь.

Лицо Анжелики искажается от злости. Идеальная маска вдовы трещит по швам. Очень плохая работа ее пластического хирурга или косметолога.

- Ты сам не лучше, - шипит она в ответ. – Как появился здесь, так и зубами вцепился в его богатства.

- Да? - Усмехаюсь. – Просто я не хочу, чтобы все дело жизни отца досталось такой как ты! Ты растратишь его на свои глупые тряпки и бессмысленные вечеринки. Он работал ради другого.

Анжелика вскакивает с кресла, ее глаза мечут молнии. Черное платье, кажется, впитывает в себя всю тьму этого места.

- Ты ничего не понимаешь! Я любила твоего отца!

- Любила? – В голосе сквозит неприкрытое презрение. – Ты любила его деньги, Анжелика. И не смей говорить мне

обратное.

Я разворачиваюсь, не желая больше тратить на нее время. Этот разговор бессмысленен. Но я знаю одно: война только начинается. И я буду сражаться до конца. За память об отце. И за то, чтобы эта хищница не получила ни копейки из того, что ему принадлежало.

Иду в кабинет отца. Запах кожи, старого дерева и табака обволакивает меня, словно кокон из воспоминаний. Здесь все осталось так, как было при нем. Будто он просто вышел на минутку и вот-вот вернется обратно. На столе, среди разбросанных бумаг и деловых журналов, одиноко стоит бутылка виски. Начатая. Видимо, так и не успел допить.

В горле пересыхает, ком подкатывает к горлу. В висках стучит. В памяти всплывают картинки: отец, смеющийся, сильный, уверенный. Мы втроем – отец, мать и я – счастливая семья. Каникулы в Альпах, Париже, поездки на рыбалку, новогодние вечера у камина, запах ели. Все это кажется сейчас далеким, нереальным сном.

Потом... Потом пришла болезнь. Мама угасла быстро, словно свеча на ветру. Отец сломался, сгорбился, постарел за один год. А потом появилась она – Анжелика. Молодая, красивая, хищная. Красивая обертка, скрывавшая пустую, холодную душу.

Я помню, как возненавидел ее с первого взгляда. Знал, что она не любила отца. Видел, как ее глаза блестели при виде его денег. Она вцепилась в него мертвой хваткой, словно

клещ, высасывающий последнюю жизнь. Молодая, красивая, ищущая богатого старика, и нашедшая его в моем отце. Годающаяся ему в дочери.

Отец ослеп, зачарованный ее красотой и молодостью. Он видел в ней утешение, забывая о боли и утрате. А я ничего не мог сделать. Наблюдал, как она отравляет его жизнь, как медленно убивает его своей фальшью и лицемерием. И теперь... Теперь он мертв, а она стоит на пороге, готовая унаследовать все, что он с таким трудом создал.

Я открываю один из ящиков стола. Там лежит старая фотография. Новый год. Мы с родителями в идиотских свитерах с оленями, сидим под елкой. Мне уже больше двадцати, но каждый год я проводил с семьей. Традиция.

– Жду-недождусь, Владик, когда здесь снова раздастся детский смех, – веселилась в тот вечер мама. – Давай уже, женись, и сделайте нам парочку очаровательных внучат.

– Мам, мне еще рано, – отмахнулся я тогда. Как же я был глуп...

Я только начал вставать на ноги. Свою рекламную компанию создал, правда, отец вложил в нее немало, и поэтому юридически мы поделили ее на двоих. Деньги, конечно, никогда лишними не были, но главное – я хотел доказать, что сам чего-то стою. А девушки... девушки сами вешались на симпатичного, обеспеченного молодого человека, и я с удовольствием купался во внимании прекрасного пола, порой не запоминая даже их имена. Лёгкость, флирт, отсутствие обяза-

тельств. Вот моя жизнь тогда.

Да и сейчас она ничуть не изменилась. Только вырос ценник. Вместо институтских подруг – модели, вместо кафе – рестораны и дорогие курорты. Я коллекционировал улыбки, тела, впечатления, как кто-то собирает марки. Никакой глубины, никаких чувств. Просто игра. Я всегда был хорош в таких играх.

Но сейчас... Сейчас эта фотография, этот старый свитер, этот запах елки, все это давит на меня с невыносимой силой. Я ощущаю пустоту внутри себя, зияющую дыру, которую ни одна модель, ни один ресторан не смогут заполнить.

Я выхожу из кабинета и захлопываю за собой дверь. Дом давит, душит спертым воздухом, пропитанным дорогими духами Анжелики, дешевой маскировкой ее алчности. Запах лжи въелся в стены, как плесень. Уставший, раздраженный, я выхожу на улицу. Мне нужно проветриться. Направляюсь к набережной, надеюсь, холодный морской ветер выдует из головы все дерьмо, накопившееся там за последние дни.

Вечер окутывает город, зажигаются огни. Блеск фонарей на воде создает причудливые узоры, но я не замечаю этой красоты. Я поглощен своими мыслями, своей болью. В голове – обрывки воспоминаний, осколки счастья, перемешанные с горечью утраты и ненавистью к этой... Анжелике.

И вдруг вижу знакомое лицо. Бортпроводница. Арина, кажется. Бортпроводница с нашего рейса. Мне она сразу показалась какой-то... невероятной. Но сейчас... Сейчас она

стоит, облокотившись на парапет, и плачет. Плечи ее вздрагивают, волосы растрепаны ветром.

Что-то во мне откликается на это зрелище. Вижу в ней... отражение своей собственной боли, своей собственной потерянности. Не знаю, что заставило меня подойти. Просто не могу пройти мимо. В этом мире, где все продается и покупается, настоящие слезы – редкость.

Подхожу ближе, стараясь не спугнуть.

– Арина? Все в порядке?

Глава 4

Арина

Бабушка Лида... Моя любимая бабуля умерла... Сердце сжимается в комок, дыхание перехватывает. Как? Только перед вылетом мы с ней разговаривали, она смеялась, рассказывала про свой новый сериал.

По щекам катятся слезы, обжигая кожу. Пытаюсь что-то сказать, но слова застревают в горле. В голове – сумбур, хаос, отрицание. Этого не может быть. Это какая-то ошибка.

– Арина, ты меня слышишь? – голос соседки на том конце провода становится настойчивее. – Я знаю, тебе тяжело, но... нужно что-то решать. Похороны...

Решать. Сейчас? Когда все внутри кричит от боли?

Автоматически киваю, хотя знаю, что меня не видят. Обещаю перезвонить позже. Кладу трубку и отворачиваюсь к окну, пытаюсь сдержать рыдания. Вижу отражение своего лица – бледного, опухшего от слез.

В таком состоянии меня находят мои коллеги, бортпроводницы. Они окружают меня, обнимают, говорят слова поддержки. Я благодарна им за это, но сейчас мне кажется, что никакие слова не помогут. Смысла срочно вылетать нет, все равно ночью уже ничего не сделаешь. Я принимаю решение улететь в Москву своим же утренним рейсом. Хорошо, что хоть с этим проблем не будет. Да и тетя Люда пообещала, что

присмотрит за Антошкой, моим младшим братиком, ночь он проведет у нее. Хотя какая-то определенность в этом хаосе.

Вечером в отеле я не могу найти себе места. Коллеги ушли на ужин в какой-то ресторан. А мне не до этого. Еда кажется совершенно бессмысленной, как и все остальное, кроме одного – бабушки Лиды. Я до сих пор не могу прийти в себя от этой страшной новости. Кажется, будто это дурной сон, от которого я никак не могу проснуться.

Стены номера начинают давить на меня, сжимать в тиски. В этом маленьком, чужом пространстве становится нечем дышать. Я хватаю сумку и пулей вылетаю из отеля. Ноги сами несут меня куда-то, я не замечаю, как оказываюсь на набережной. Вечерний город шумит, светится огнями, но все это будто проходит мимо, не касаясь меня.

И тут слезы снова душат меня, подступают к горлу комком боли. Я больше не могу сдерживаться. Даю им волю и начинаю рыдать. Громко, навзрыд, как маленький ребенок, потерявшийся в толпе. Не обращаю внимания на прохожих, на их сочувствующие или, наоборот, раздраженные взгляды. Сейчас мне все равно.

Пусть видят, пусть слышат. Пусть знают, что и у меня есть сердце, которое сейчас разрывается на части от горя. Бабушка Лида, как же я теперь без тебя? Кто теперь будет заботиться обо мне, кто будет печь мои любимые пироги? Кто будет любить меня так, как любила ты? Слезы льются ручьем, и вместе с ними из меня выходит боль, страх, отчаяние.

- Арина? Все в порядке? Почему ты плачешь? - Голос словно доносится издалека, как будто я стою на краю глубокого колодца, и кто-то кричит оттуда. Поворачиваюсь машинально, и сквозь пелену слез, застилающих глаза, вижу Влада, того пассажира из бизнес-класса.

Сглатываю ком в горле, пытаюсь хоть что-то выдавить из себя. Слова застревают где-то на полпути, словно птицы, попавшие в силки.

- Моя бабушка..., - шепчу я, и новый поток слез обрушивается на меня. Кажется, что они никогда не кончатся. - Она умерла сегодня... Я только узнала.... – Голос дрожит, как осенний лист на ветру. Каждое слово отзывается болью в груди, словно осколок стекла. Как будто кто-то вырвал из меня кусок, и теперь там зияет пустота.

Я чувствую себя маленькой и потерянной, как ребенок, заблудившийся в темном лесу. Все вокруг кажется зыбким и ненастоящим.

Молчание Влада не давит, наоборот, в нем есть какое-то облегчение. И вдруг, неожиданно, он обнимает меня. Крепко, по-человечески. Я не знаю этого человека, он просто пассажир бизнес-класса, но сейчас мне кажется, что он – единственный, кто понимает мою боль. Он не говорит ничего, просто держит. И в этих объятиях я нахожу какое-то подобие утешения.

Слезы продолжают литься, но теперь они не такие обжигающие. В объятиях Влада я чувствую себя немного защи-

щенной, словно он создал вокруг меня маленький островок безопасности в этом бушующем океане горя. Его тепло согревает меня изнутри, рассеивая ледяной холод, сковавший мое сердце.

- Я тоже прилетел на похороны своего отца. – Тихо говорит он. Но я отчетливо слышу нотки боли в его голосе.

Мы стоим так, кажется, целую вечность. Вокруг нас мерцают огни Питера, но они кажутся такими далекими и нереальными, словно я смотрю на них из другого мира. Город живет своей жизнью, светится и сияет, а в моей душе царит непроглядная тьма.

Кажется, что каждый из нас, я и Влад, затерялся в собственном горе. Он обнимает меня, но в его глазах я вижу отблеск такой же, как и у меня утраты.

Объятия Влада ослабевают, и он, словно боясь нарушить хрупкое равновесие, предлагает:

- Давай выпьем кофе? Может, тебе станет немного легче.

Киваю машинально, словно марионетка, дернутая за ниточку. Ноги несут меня за ним, как будто у меня нет собственной воли. Мы поднимаемся на одну из центральных улиц, и направляемся в ближайшую кофейню. Здесь приглушенный свет, мягкие диваны и тихая, ненавязчивая музыка. Место, словно созданное для уединения и размышлений.

Заказываем два больших капучино, и пока бариста колдует над напитками, я смотрю в окно. Улица за стеклом кажется размытой и нереальной. Люди спешат по своим делам, не

подозревая о трагедии, развернувшейся в моей жизни. Как будто ничего и не произошло.

Когда нам приносят кофе, я делаю маленький глоток. Горячий напиток обжигает горло, но это приятное ощущение возвращает меня к реальности.

- Спасибо, Влад, - шепчу я, но предательский ком слез снова подступает к горлу

- Не за что, Арина. Расскажи мне о ней. О бабушке, - он говорит это тихо, словно боясь спугнуть воспоминания.

И я начинаю рассказывать. О бабушкиных пирогах с яблоками, запах которых наполнял весь дом. О ее теплых руках, которые всегда успокаивали и согревали. О ее мудрых советах, которые помогли мне пережить сложные моменты в жизни. О ее заразительном смехе, который мог развеять любую грусть.

Влад слушает молча, не перебивая, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Он – просто слушатель, внимательный и чуткий. И этого достаточно. Просто знать, что есть кто-то, кто готов разделить твою горе, уже делает его немного легче.

- Она всегда говорила, что жизнь – это самое ценное, что у нас есть, - говорю я, вытирая слезы. - Нужно ценить каждый момент, каждую минуту.

- Она была права, - тихо произносит Влад, глядя в окно. Мне кажется, что он тоже вспоминает о ком-то важном для него.

- А твой отец? – спрашиваю у него. – Что с ним случилось?
- Тромб... - Коротко отвечает Влад.
- Вы были с ним близки?
- В последнее время не очень... - На его лице проскаль-

зывает тень.

Кажется, я наступила на больное место. Больше не буду, если захочет, то сам расскажет.

Весь вечер мы пьем кофе, делимся воспоминаниями, делимся горем и надеждами. Мне так хорошо, так уютно в компании Влада. Создается впечатление, что я знаю его всю свою жизнь. Но время неумолимо бежит вперед, и мне уже пора возвращаться. Девочки бортпроводницы уже звонили – волнуются за меня.

Влад берется отвезти меня до отеля. Снаружи уже моросит мелкий, противный дождь. Питер словно тоже плачет вместе со мной. Я благодарю Влада за компанию, за кофе, за то, что выслушал. Слова кажутся какими-то сухими и формальными, но я не знаю, как выразить свою благодарность по-другому.

Он улыбается устало, но тепло.

- Не за что, Арина. Береги себя, - говорит он.

Когда мы останавливаемся у входа в отель, я хочу поскорее спрятаться в своем номере, в тишине и одиночестве. Но Влад внезапно хватает меня за руку.

- Подожди, - говорит он тихо.

Я оборачиваюсь, вопросительно глядя на него. Дождь уси-

ливается, барабания по асфальту. Вокруг нас – бурлящая жизнь ночного города, огни, шум, движение. Но сейчас я вижу только глаза Влада, темные, прожигающие насквозь. В них – какая-то невысказанная тоска, какое-то щемящее одиночество.

И вдруг, неожиданно, он притягивает меня к себе и целует.

Это происходит так быстро, что я не успеваю среагировать. Его губы теплые и влажные, как и дождь, льющийся с небес. Поцелуй легкий, почти невесомый, но он обжигает меня изнутри. В нем – какая-то отчаянная нежность, какая-то тихая мольба.

Я закрываю глаза, позволяя себе на мгновение забыть обо всем. О горе, о потере, о завтрашнем дне. Я просто чувствую его губы на своих, чувствую тепло его тела, ощущаю биение его сердца.

Глава 5

Влад

Холодный металл ограды неприятно врезается в ладонь. Смотрю сквозь завесу дождя на опускающийся в могилу гроб. Отец. Это слово сейчас кажется каким-то чужим, выцветшим. Будто я произношу его вслух впервые. Рядом Ангелика. На ней черное платье, большая шляпа, скрывающая половину лица. Время от времени она всхлипывает, театрально прижимая к глазам кружевной платок. Играет роль, конечно. Ничего, я привык. Она всегда играла. Сначала роль идеальной жены, потом роль скорбящей вдовы. Интересно, какую роль она примерит на себя завтра? Роль богатой наследницы.

Дождь усиливается. Капли стекают по зонту и падают на землю. Внутри меня какая-то выжженная пустошь. Смотрю на лица вокруг. Кто-то искренне сочувствует, кто-то просто пришел соблюсти приличия. Вижу заплаканные глаза секретарши отце. Ей я верю. Она всегда была предана ему по-настоящему, и любила его по-своему. А я... а я, наверное, тоже любил. Просто не умел показывать это.

Вспышка молнии на мгновение освещает кладбище. Яркая, резкая, словно вызов. И вместе с грохотом грома в голову врывается мысль – Арина. Самолет. Вылетел ли он в такую погоду? Скоро и ей предстоит пройти через это.

Странно, что я думаю сейчас об Арине. Но, наверное, это такой способ сбежать от реальности. Убежать в другой мир, где есть солнце, улыбки и планы на будущее. Мир, где есть она.

Земля глухо ударяется о крышку гроба. Все кончено. Панихида завершилась. Люди начинают расходиться, прячась под зонтами. Анжелика берет меня под руку, ее прикосновение обжигает. Холодное и липкое.

– Пойдем, Влад. Я устала и мне нужен отдых.

Смотрю на нее и ничего не отвечаю.

– Влад, как же мне сейчас плохо! Что же я буду делать дальше без моего медвежонка! – Ее слова – отточенные фразы из плохого сериала. Слезы, обильно текущие по нарумяненному лицу, кажутся фальшивыми.

– Будешь жить, как и жила, – бросаю, стараясь не смотреть в ее сторону. Голос звучит отстраненно и холодно, но сейчас я не могу по-другому. Внутри все выжжено, и сил на сочувствие просто нет.

– Ты просто бесчувственный сухарь! – Ее истерика набирает обороты. Кажется, она действительно верит в то, что играет.

– Успокойся уже и не устраивай мне эти театральные сцены. Ты выбрала не того зрителя. Иди лучше поплачь перед журналистами, им это понравится, – огрызаюсь. Слова получаются злыми и резкими, но меня уже не волнует, что она подумает. Эта фальшь невыносима.

– Влад! – Она делает попытку стать ближе и совсем уж интимно прижимается к моей груди. Чувствую ее дрожащие плечи и резкий запах духов. От этой близости становится тошно.

– Женя, уведи её отсюда, – обращаюсь к лучшему другу, стоящему в стороне. Голос тихий, но в нем сквозит такая сталь, что Женя, не задавая вопросов, подхватывает Анжелику под руку и уводит ее в сторону машин.

Остаюсь один рядом со свежей могилой, окруженный приглушенным шумом тягучей атмосферой скорби. Все это давит, душит, заставляет задыхаться. Мысли роятся в голове, сталкиваются друг с другом, не давая сосредоточиться. Но одна из них – навязчивая, яркая – затмевает все остальные. Арина. Молодая бортпроводница с лучистыми глазами и искренней улыбкой. Вспоминаю ее горькие слезы утраты, ее падение на меня в самолете. Черт! Почему именно сейчас я думаю о ней?

Ведь должен думать совсем о другом. Нехотя отгоняю от себя образ девушки.

– Прости, отец... – тихо шепчу, глядя на его фотографию на деревянном кресте. Холодный взгляд с портрета словно прожигает насквозь. Я ведь даже не успел сказать ему всего, что хотел, не успел просто побыть рядом.

Звонок телефона разрывает тишину кладбища, словно выстрел. Уже сутки я живу в каком-то вакууме, стараясь не думать ни о чем. Не думать об отце, об Анжелике, о завеща-

нии. Стараюсь не думать об Арине, но именно она приходит на ум чаще всего. Смотрю на дисплей. Незнакомый номер.

– Владислав, это Артур Игоревич, нотариус. Я жду вас в два часа на оглашение завещания.

Отец всегда был скрытным человеком, и я понятия не имею, что он там написал. А еще упоминание Анжеликой некого сюрприза в завещании. Для меня. Боюсь, что после этого дня моя жизнь изменится навсегда. Вздыхаю и смотрю на часы. Без пятнадцати два.

Выхожу с кладбища и направляюсь к парковке. После похорон прошло минут двадцать, но ощущение такое, будто минула целая вечность. Мир вокруг кажется чужим и враждебным. Подхожу к машине и вижу, что я здесь один. Остальные уехали. Анжелика, скорее всего, уже строит планы, как потратить положенную ей долю. Злость и раздражение охватывают меня.

Набираю номер Жени. Он единственный, кому я доверяю в этой ситуации.

– Жень, привет. Вы где? Я вышел, а тут никого нет.

– Влад, а мы уже у нотариуса. Анжелике не терпелось, представляешь? Я ее повез, чтобы ты не волновался.

– Понятно, – отвечаю сухо. – Скоро буду.

Подъезжаю к зданию нотариальной конторы, паркуюсь на ближайшем свободном месте и, не задерживаясь, быстро направляюсь ко входу. Внутри прохладно и тихо, как в склепе. Секретарь, едва я называю свою фамилию, учтиво кивает и

провождает меня длинным коридором к кабинету.

– Владислав Сергеевич, вас ждут.

Дверь открывается, и я вхожу. В кабинете полумрак, плотные шторы задернуты, словно скрывая происходящее от посторонних глаз. За массивным столом, заваленным бумагами, восседает Артур Игоревич, нотариус. Он коротко кивает, приглашая меня к одному из стульев, стоящих напротив. Но взгляд приковывает Анжелика. Она уже здесь, восседает на стуле, словно королева на троне. Ее лицо скрыто под широкими полями черной шляпы, и она сверлит меня взглядом исподтишка. Сегодня она особенно похожа на хищную птицу, высматривающую добычу.

– Как всегда, тебя нужно ждать. Даже сейчас не явился вовремя, – ее голос звучит холодно и надменно. В нем сквозит привычное раздражение, смешанное с торжеством.

– Приехал, как смог. Может, уже приступим? – Спокойно отвечаю я, сейчас не время вступать в перепалку. Внутри нарастает напряжение.

Артур Игоревич кашляет, привлекая внимание к себе. Он окидывает нас обоих профессиональным взглядом, словно оценивая расстановку сил.

– Да, разумеется. Прошу присаживаться, Владислав Сергеевич.

Артур Игоревич надевает очки и берет в руки толстую папку. Начинается.

Нотариус откашливается, расправляет плечи и начинает

читать. Его голос звучит монотонно и отстраненно, будто он просто зачитывает текст, не вникая в его смысл. Но каждое слово, слетающее с его губ, врзается в меня, словно осколок стекла. Медленно и мучительно сознаю, что происходит.

«...имущество, находящееся по адресу... денежные средства, находящиеся на счетах... акции...» – все это звучит как белый шум, пока не дохожу до главного.

«...половина доли, принадлежащей Ковалевскому Сергею Владимировичу в рекламном агентстве «Азимут» передается Владиславу Сергеевичу...» – вот оно, то, чего я ждал. С одной стороны, облегчение. С другой – тягостное предчувствие. Я знаю, что дальше будет какое-то «но». И оно появляется.

«...вторая половина доли в компании «Азимут» также передается Владиславу Сергеевичу при соблюдении следующих условий: в течение одного календарного месяца с момента оглашения завещания Владислав Игоревич должен вступить в законный брак. В течение одного календарного года с момента заключения брака Владислав Сергеевич должен стать родителем... В случае невыполнения вышеуказанных условий, доля в компании «Азимут», переданная Владиславу Сергеевичу на основании настоящего завещания, переходит в полное и безраздельное владение Ковалевской Анжелике Викторовне...»

Как сквозь толщу воды слышу собственные мысли, бьющиеся о реальность. Жениться? За месяц? Ребенок? За год?

Это какой-то абсурд! Будто сцену из дурного спектакля под-
сунули вместо реальной жизни. Кровь приливает к лицу.
Отец что, решил пошутить? Или он действительно думал,
что можно вот так, одним росчерком пера, распланировать
мою жизнь?

Смотрю на Анжелику. Она сидит неподвижно, словно ста-
туя, до самого момента, пока не доходит до слова «Анжели-
ке». В ее глазах вспыхивает злобный огонь.

– Что! – она вскакивает с места, опрокидывая стул. Ее ли-
цо искажено яростью. – Что это значит? Он обещал мне! Он
говорил, что все будет моим! Ты! – она бросает на меня ис-
пепеляющий взгляд. – Ты все подстроил!

Она явно не ожидала такого поворота событий. Думала,
что все уже решено, что она получит все без каких-либо
условий. Но отец, видимо, решил сыграть свою последнюю
карту. И, кажется, эта карта – я. Только вот я сам не знаю,
как в нее играть.

Глава 6

Арина

Автобус дергается на каждой кочке, бросая меня то вперед, то назад. За окном мелькают серые многоэтажки, тусклые фонари, унылые лица прохожих. Все, как отражение моего настроения. Прилетели обратно в столицу, словно вернулись в клетку. Влад остался там, в своем мире скорби и денег, а я – здесь, наедине со своей тревогой.

Быстро попрощавшись с девочками из экипажа, хватаю свою сумку и бегу к остановке. Хочется поскорее домой, хотя какое это теперь «домой»? Пустота. На душе зияющая дыра, которую, кажется, ничем не заполнить. Рейс был тяжелый, перелет утомительный, но физическая усталость меркнет перед душевной болью.

Всю ночь я не спала. Ворочалась в постели, перебирала в голове обрывки воспоминаний, моменты счастья, лица любимых... и тот неожиданный поцелуй. Зачем он мне это сделал? Смутил, взбудоражил и оставил гадать. Неужели я могла понравиться такому мужчине, как этот Влад? Сильный, уверенный в себе, безумно богатый... Нет, вряд ли. Это был просто жест сочувствия, успокоительный поцелуй на ночь. Поцелуй отчаяния. Ему было плохо, он нуждался в поддерж-

ке, и я оказалась рядом. Не стоит строить иллюзий.

В автобусе тесно и душно. Пахнет сыростью и дешевым табаком. Прижимаю к груди сумку, словно там хранятся мои самые дорогие сокровища – воспоминания. Пытаюсь собрать мысли в кучу, но они разбегаются, как напуганные мыши.

Мне всего девятнадцать лет... А кажется, что прожила целую жизнь, наполненную потерями. Сначала родители... Страшная автокатастрофа три года назад перевернула все с ног на голову. Затем бабушка... Моя любимая бабушка Лида, которая заменила нам с Антошкой мать и отца. Она взяла опеку над нами, несовершеннолетними, и подарила нам тепло, уют и заботу, несмотря на все трудности. Мы жили небогато, но дружно. Бабушка всегда говорила: «главное – это любовь и взаимопонимание».

Чтобы хоть как-то помочь ей, я, едва закончив школу, записалась на курсы бортпроводников, и оттуда же меня взяли на работу, едва мне исполнилось восемнадцать лет. Дома меня всегда ждали любимая бабушка и обожаемый младший братик. Каждый вечер, возвращаясь с рейса, я чувствовала, как меня наполняет тепло домашнего очага.

А сегодня... Сегодня дома меня никто не ждет. Там пу-

стота и тишина. Смертельная тишина. Бабушки больше нет. Она ушла так внезапно. А Антошка... Антошка сейчас у тети Люды, соседки которая согласилась приютить его на время. Я еще не знаю, что буду делать дальше. Как справлюсь с обрушившимся на меня горем. Где найти силы, чтобы жить дальше? И как обеспечить Антошке достойное будущее? Вопросы, вопросы, вопросы... Они роятся в голове, не давая мне покоя.

Едва переступаю порог квартиры, как меня встречает теть Люда. Она выскакивает из своей квартиры и кидается ко мне, словно я – последняя надежда во всем этом мире.

– Ты вернулась, какое счастье! – говорит она почти в истерике, ее голос дрожит. – Ариша, беда не приходит одна.

– Что случилось? – Я прислоняюсь спиной к стене, чувствуя, как ноги становятся ватными. Сердце бешено колотится, предчувствуя что-то ужасное.

– Антошку... Антошку забрали. Где-то час назад, – слова вылетают из ее рта сбивчиво, так, что я сначала ничего не понимаю. Она нервно заламывает руки, и слезы ручьями льются по ее лицу.

– Кто забрал? – переспрашиваю я, пытаюсь уловить хоть

какой-то смысл в ее бессвязных объяснениях. В голове проносятся самые страшные предположения.

– Приехали... из органов опеки, – всхлипывает она. – И сказали, что раз опекун умер, то ребенок теперь будет жить в детском доме, пока не объявится новый, или его не усыновят.

– Что?! – вырывается у меня. Мир вокруг начинает вращаться, словно карусель. Ледяной ужас сковывает все тело. Антон... в детском доме? Этого не может быть!

– Но у него же есть я! Его сестра! – кричу я в отчаянии, не веря своим ушам.

– Арин, я ничего не поняла, честное слово! Я объясняла им, что у него есть сестра, и она сейчас на работе, что скоро вернется, но они и слышать этого не хотели. У них какие-то инструкции... какие-то бумажки... Я не знаю, что делать! Они просто забрали его и уехали, – плачет тетя Люда, вытирая слезы грязным платком.

– Спасибо, – говорю я, стараясь взять себя в руки. – Я сейчас со всем разберусь.

Соседка, всхлипывая, скрывается за своей дверью, оставляя меня наедине со своим ужасом. Всё рушится. Сначала

ла бабушка... теперь Антошка. Детский дом... Эта мысль – словно острый нож, вонзающийся в самое сердце. Нет, этого я не допущу. Я не позволю ему там остаться. У него есть я. Я его сестра.

Быстро переодеваюсь, натягивая первое, что попадаетея под руку – джинсы и простую футболку. Не до макияжа и причесок сейчас. Главное – поскорее добраться до органов опеки и выяснить, где мой брат. Внутри все дрожит от страха и злости. Переступая порог своей квартиры, я будто вступаю на тропу войны.

Добравшись до ближайшего отделения опеки, я попадаю в атмосферу казенного холода. Унылые коридоры, обшарпанные стены, тусклый свет люминесцентных ламп. В приемной сидит несколько человек, но я, не обращая внимания на очередь, решительно направляюсь к кабинету с табличкой «Начальник отдела опеки и попечительства».

Вхожу без стука. За столом сидит солидная дама в строгом костюме. На переносице красуются дорогие очки в тонкой оправе. Взгляд ее холоден и надменен, словно она смотрит на меня сверху вниз, как на ничтожество.

– Чего хотели? – сухо спрашивает она, не отрываясь от изучения каких-то бумаг.

– Я... я сестра Антона Бондарева, которого сегодня забрали из дома, – с трудом выговариваю слова, стараясь сдержать дрожь в голосе.

Дама поднимает на меня глаза и окидывает оценивающим взглядом.

– Ах, да. Вы, кажется, работаете бортпроводницей? Я уже ознакомилась с историей вашей семьи.

– Да, – подтверждаю я, не понимая, к чему она клонит.

– Ну, и какая забота ждет мальчика? – с презрением спрашивает она. – Вы постоянно в разъездах. Когда вы собираетесь заниматься ребенком? Кто будет его кормить, одевать, водить в садик?

– Я... я уволюсь, – бормочу я, чувствуя, как в груди нарастает отчаяние. – Я найду другую работу. Я все сделаю, чтобы мой брат был счастлив.

– Так вот, вначале сделайте это, – раздраженно говорит сотрудница опеки, постукивая пальцами по столу. – А потом приходите и поговорим. Ваш брат сейчас в безопасности, вам не о чем волноваться. Он находится в детском доме

под присмотром опытных воспитателей.

– Как это не о чем! – не выдерживаю я, взрываясь. – Маленький ребенок, один в незнакомом месте, кругом чужие люди! Ему страшно! Он плачет!

– А вы не повышайте на меня голос, гражданочка, – злится она, надменно вскидывая брови. – Маленькие дети обычно легко приспосабливаются. Там о нем позаботятся, не переживайте. Можете его навестить, если хотите, и сами все увидите. Но забирать его сейчас – исключено.

– Как... как мне вернуть брата? – настаиваю я, глотая слезы.

– Я вам уже все сказала и не собираюсь повторять, – отрезает она, кивая на дверь. – А теперь уходите. У меня много работы. Не тратьте мое время.

Разворачиваюсь и выхожу из кабинета, чувствуя себя раздавленной и униженной. Холодная стена человеческого безразличия. Они не видят во мне человека, а только очередную проблему, которую нужно побыстрее спихнуть.

Глава 7

Арина

Стою на ступеньках опеки, словно оцепенев. Ветер пронизывает до костей, но я его не чувствую. Что мне делать дальше, куда идти, я не знаю. Слова чиновницы эхом отдаются в голове, словно приговор: «Вначале увольтесь, потом приходите... Ваш брат в безопасности... Не тратьте мое время...»

Напоследок, словно бросив кость, чиновница вручила мне адрес детского дома, где я могу навестить брата. Но как-то странно, ехидно намекнула, что, скорее всего, меня не допустят к нему, так как ребенок сейчас «на карантине». Карантин... Это просто отговорка! Они специально тянут время, чтобы отдалить меня от Антошки.

Вслед за мной на крыльцо выходит пожилая женщина. Видимо, одна из сотрудниц. Я ее видела в коридоре – скромная, тихая, незаметная. Она не похожа на эту ледяную королеву в кабинете.

– Пойдем прогуляемся, – неожиданно говорит женщина, ее голос звучит мягко и участливо. – Иди за мной.

Я машинально подчиняюсь. Ноги сами несут меня за ней. Куда она ведет меня? Но в ее глазах я вижу что-то такое, что заставляет меня доверять ей.

Мы медленно плетемся по тротуару, обходя спешащих прохожих. Солнце пытается пробиться сквозь плотные об-

лака, но безуспешно. Все вокруг кажется серым и унылым, как и моя жизнь сейчас.

Как только мы заворачиваем за угол за обшарпанное здание, женщина останавливается и поворачивается ко мне лицом. В ее морщинистых глазах – сочувствие и понимание.

– Милая, – начинает она, понизив голос. – Я понимаю, как тебе сейчас тяжело. И то, что тебе наговорили в кабинете... это, конечно, ужасно. Но... к сожалению, такова реальность.

Я молчу, ожидая продолжения.

– Единственное, что ты сейчас можешь сделать, чтобы тебе вернули брата, – это сменить работу и... найти мужа, – произносит она, словно вынося приговор.

Я ошеломленно смотрю на нее. Мужа? Это еще зачем?

– Детей охотнее всего отдают в полные семьи, – поясняет она, заметив мое замешательство. – Понимаешь, для них важны формальности. Штамп в паспорте, стабильный доход, благополучная семья... Это все, что им нужно.

Во мне поднимается волна возмущения. Неужели все так просто? Неужели любовь, забота, преданность ничего не значат? Неужели для них важны только бумажки и штампы?

– Это... несправедливо, – шепчу я, с трудом сдерживая слезы.

– Я знаю, милая, – тихо отвечает женщина, кладя руку мне на плечо. – Но такова жизнь. Иногда приходится играть по их правилам, чтобы добиться своего.

Она отдергивает руку и смотрит на меня с надеждой.

– Подумай об этом, Арина. Ради Антона. У тебя все получится. Я верю в тебя.

– Подождите! – останавливаю я ее, вцепившись в рукав ее платья. – Неужели нет другого способа? Где я сейчас возьму мужа? У меня даже парня нет... Знакомиться с кем-то, уговаривать... Это же займет кучу времени! А время сейчас – мой злейший враг. Каждый час, проведенный Антошкой в этом казенном доме, словно вечность.

Женщина смотрит на меня с сочувственной улыбкой.

– А у тебя случайно не осталось каких-нибудь семейных родственников? – спрашивает она, словно ей внезапно пришла в голову гениальная идея. – Кого-нибудь... надежного, проверенного, с жильем и стабильным доходом.

Я нервно думаю, пытаюсь вспомнить. Родственников у нас не так уж и много, и большинство из них живут далеко, в других городах. Кто согласится взять на себя такую ответственность?

И тут меня словно озаряет. Игорь! Мой дядя. Мы не так часто виделись, но он иногда интересовался нашей жизнью, помогал бабушке. Он женат на Светлане, у них есть дочь, Настя. Вроде бы, живут неплохо.

– Да, есть, – говорю я, с надеждой в голосе. – Дядя. Он женат, у них есть дочь... Живут в соседнем районе.

Женщина ободряюще кивает.

– Тогда иди к ним и уговаривай оформить опеку над братом, – советует она. – Объясни им ситуацию. Скажи, что ты

будешь помогать им во всем, воспитывать малыша будешь сама. Самое главное – чтобы они официально стали его опекунами.

– Я постараюсь, – говорю я, ком в горле мешает говорить.
– Я сделаю все возможное.

– Только решай все очень быстро, – предупреждает она, тревожно глядя мне в глаза. – Глазом не успеешь моргнуть, как мальчика усыновят. Сейчас такие дети очень популярны. Хорошенькие, здоровенькие, без родителей... На них очередь стоит.

Я вздрагиваю от этих слов. Усыновят... Этого нельзя допустить! Антошка должен остаться со мной, с со своей родной семьей.

– Спасибо вам, – говорю я, искренне. – За совет, за помощь... За все.

Женщина тепло улыбается мне в ответ.

– Иди, милая. И не теряй надежды. Все обязательно получится. А я буду держать за тебя кулачки.

Разворачиваюсь и бегу. Бегу в неизвестность, к Игорю и Светлане, с одной лишь надеждой в сердце. Надеждой на то, что они согласятся помочь мне вернуть Антошку домой.

Сажусь на лавку в сквере, сердце бешено колотится. Нужно взять себя в руки, хоть немного успокоиться. Ноги предательски дрожат после всей этой беготни, как у загнанного зверька. Игорь... В голове всплывает его образ – спокойный, рассудительный. Юрист. У него свой адвокатский кабинет.

Он всегда умел найти выход из любой ситуации, разругать самый сложный спор. Наверняка, и сейчас будет знать, что делать.

Достаю телефон. Судорожно пролистываю список контактов, но его номера там нет. Сто лет не созванивались. Значит, нужно искать адрес его кабинета в интернете. В голове – кавардак, все мысли перепутались. Волнение нарастает с каждой секундой.

Наконец, вбиваю в поисковик: «Адвокатская контора Игоря Берестова» Выдыхаю с облегчением, когда почти сразу же вижу нужный адрес. Ехать нужно прямо сейчас. Поднимаюсь с лавки, смахиваю слезы тыльной стороной ладони и решительно иду в сторону автобусной остановки. Каждая минута дорога. От этой встречи зависит судьба моего брата.

В последний раз мы виделись, наверное, год назад, когда Игорь с семьей приезжали поздравить Лидию Степановну с днем рождения. Он был сыном ее родной сестры, которая давно умерла. Но Мужчина никогда не забывал про тетку, всегда навещал, помогал. У него всегда было чувство долга. Помню, он играл со мной и с Настей, своей дочкой. Держал нас на руках, что-то рассказывал, смеялся. Он любит детей. Это дает мне слабую надежду.

Сейчас мне нужно собраться. Убедить его. Рассказать все как есть. Донести до него, как сильно я люблю Антошку, что он для меня – вся семья. Показать ему, что готова на все, ради его благополучия. Убедить, что именно он может нам

помочь. Он – юрист. Он знает законы.

Глава 8

Влад

Дверь нотариальной конторы захлопывается за мной, отрезая от визгливой истерики Анжелики. Я даже слушать ее не хочу. Все бумаги подписаны. Мое присутствие здесь больше не требуется. Пусть кричит, сколько влезет.

– Влад, я жду тебя в Москве у своего адвоката! – доносится ее злобный голос мне вслед.

Слышу, но меня это больше не трогает. Пусть ждет. Разберемся.

Выхожу на набережную, вдыхаю прохладный летний воздух. Но и он не приносит облегчения. Что делать? Вот в чем вопрос. Сейчас, наверное, самый переломный момент в моей жизни. На весах – четверть моей компании, четверть дела, которому я посвятил годы, и... моя свобода.

Этот идиотский пункт в завещании... я могу потерять либо долю в компании, либо себя. Если через месяц я не женюсь, а через год у меня не родится ребенок... все, четверть акций отходит мачехе. Анжелика только этого и ждет, она уже точит зубы, представляя, как будет рулить моей империей.

Отец! Гениальный бизнесмен, но в личной жизни – абсолютно сказочный романтик. Какого черта ему пришло в голову составить такое безумное завещание? Он что, думал, я

тут женюсь по любви до гроба и нарожаю ему ораву внуков?

Ладно, акции – это важно. Но где, черт побери, я найду жену за месяц? Да не просто жену, а мать моего будущего ребенка! Это же абсурд!

Стоп. Вспоминаю. Пару месяцев назад я знакомил отца с Оксаной, когда мы случайно пересеклись с ним в ресторане. Она, тогда как раз была моей новой пассией. Отцу она очень понравилась. Он потом еще долго рассыпался в комплиментах, говорил, какая она умная, красивая, воспитанная. А я... Через неделю с ней расстался. Оксана оказалась слишком навязчивой, слишком стремящейся в ЗАГС. Я тогда решил, что это не мой вариант. А отец, видимо, тогда уже все решил за меня. Усмотрел в ней идеальную партию. Вот и подложил мне свинью с этим дурацким завещанием. Нет, ну надо же додуматься!

Но с ребенком – это вообще бред какой-то. Абсолютная, ничем не прикрытая чушь. А если жена окажется бесплодной? Или, что еще хуже, если у меня вдруг не все в порядке? Об этом отец, конечно, не подумал. Он видимо решил, что я щелкну пальцами, и через девять месяцев наследник будет уже ползать по ковру.

Да даже если с физиологией все в порядке, где гарантия, что у нас с женой что-то получится? Все-таки я взрослый тридцатипятилетний мужчина и прекрасно понимаю, откуда берутся дети. Знаю и то, что иногда, вопреки всем стараниям, это не так уж и просто. Некоторые люди годами пытаются

ся завести ребенка, проходят через мучительные процедуры, тратят состояния. А тут – месяц на поиски жены, месяц на зачатие. Словно я должен действовать по заранее утвержденному графику, как на конвейере.

Уже представляю, как медленно, но верно часть моей компании уплывает прямо в цепкие руки Анжелики. Она будет потирать свои холеные ручки и злорадно ухмыляться. Будет раздавать указания, влезать в мои дела, почувствует себя настоящей хозяйкой.

Рядом раздается покашливание. Это Женя. По его лицу сразу видно – пришел не просто так, а с конкретным разговором.

– Решил, что будешь делать? – сразу, без лишних приветствий, спрашивает он.

– Нет, – отвечаю, устало потирая переносицу. – И как тут можно что-то решить? Все зависит не от меня. Отец оставил мне задачку со звёздочкой.

Женя облакачивается на каменный парапет набережной, смотрит на меня с сочувствием.

– Влад, ты же понимаешь, что это невозможно. Ну, то, что твой отец написал в завещании. Неужели ты сможешь жениться на первой встречной и ещё сделать ей ребёнка? – Женя бьет по больному, но зла я на него не держу. Он просто озвучивает то, о чем я сам беспрестанно думаю.

Молчу, отворачиваясь в сторону реки. Смотреть на его понимающее лицо сейчас выше моих сил.

– Ты что-то предлагаешь? – спрашиваю спустя какое-то время, вкладывая в вопрос всю свою надежду.

Женя вздыхает и, слегка наклонившись вперед, произносит:

– Отдай Анжелике четверть компании, и черт с ней. Она всё равно будет только платья и туфли выгуливать. Не думаю, что она всерьез полезет в дела фирмы. Погуляет немного и успокоится.

Я резко поворачиваюсь к нему, в глазах плещется раздражение.

– Ты её не знаешь, – огрызаюсь я. – Она только и ждёт этого момента. Ей плевать на платья и туфли. Ей нужна власть. Ей нужно контролировать всё, до последнего винтика. Она высосет из компании все соки, разорит её до основания. Нет, такой вариант исключен. Я не позволю этой хищнице обглодать дело моей жизни. Найду другой выход. Обязательно найду.

– Жены и дети с неба не падают, Влад, как бы тебе этого ни хотелось, – вздыхая, говорит Женя.

– Один раз ты так уже говорил, и что из этого получилось? – усмехаюсь я, вспоминая наш полет в Питер.

– Ну, если ты про ту симпатичную стюардессу... – Женя пожимает плечами и закатывает глаза – Все они ветреные особи, крутящие романы с каждым встречным пассажиром, и чем толще у него кошелек, тем легче привлечь ее внимание.

Что-то Женя полез в какие-то дебри. Причем здесь вообще Арина? И как ему это удалось связать с поиском жены для меня. Я и сам не помню, чтобы всерьез думал о том, чтобы с ней что-то завязалось. Легкая симпатия, мимолетный флирт – не более. А он сейчас пытается выставить ее охотницей за деньгами.

– К чему ты клонишь? – хмурю брови. Мне совсем не нравится этот разговор. С каждой секундой он становится все более неприятным.

– Смирись, Влад, не найдёшь ты жену так быстро. Только если охотницу за деньгами, типа Анжелики и той стюардессы. Просто отдай Анжелике её четверть, и жизнь сразу проще покажется.

– Этого не будет, – твердо говорю я, сжимая кулаки. Не собираюсь сдаваться без боя.

– И что ты собираешься делать? Спать с каждой встречной каждый день в течение месяца в надежде, что одна из них забеременеет? А потом женишься на ней. Но перед сексом обязательно спрашивай, когда у них благоприятные дни для зачатия, и не принимают ли они противозачаточные таблетки.

В этот момент мне ужасно хочется прибить Женю. Заткнуть ему рот чем-нибудь тяжёлым и навсегда. Но, как ни странно, если посмотреть на его слова трезвым взглядом, то он прав. Его циничный, грубый, но до ужаса правдивый монолог звучит как приговор. И что я могу ему возразить? Что

у меня есть какой-то гениальный план? Что я знаю, как за месяц найти идеальную жену, способную родить мне наследника через год? Да ничего подобного! Я в полнейшем тупике. И Женя, как назло, видит это насквозь. Черт бы его побрал!

Все, пора на самолет.

Глава 9

Арина

Как и сказала начальница службы опеки, к Антону меня не пустили, ссылаясь на какой-то карантин. Я и разговаривала вежливо, и стучала, и кричала, и рыдала. Но охранник остался тверд к моим мольбам и не пустил меня даже на территорию. А в конце и вовсе пригрозил, что если я не уйду сейчас, то он вызовет полицию.

Я настолько выбилась из сил, что кое-как добрела до дома, сделала бутерброд с чаем и завалилась в кровать. Но ненадолго. В дверь позвонили. Это был похоронный агент. Теперь предстоит решать вопросы, связанные с похоронами бабушки. Сердце сжимается от невыносимой боли, но нужно взять себя в руки. Бабушка бы этого хотела.

И тут я вспомнила сказанные ею в прошлом году слова.

– Ариш, во втором томе «Войны и мир» лежат деньги мне на похороны. Я уже не молода, вдруг что со мной случится.

Тогда я отмахнулась.

– Бабуль, не говори глупостей, ты еще в полном расцвете лет.

Господи, как же я была глупа. Как же я хотела, чтобы это было правдой. Теперь эти деньги как нельзя кстати. Зарплата у меня только через неделю. А все деньги я всегда отдавала бабушке, оставляя себе лишь на мелкие расходы. Я от-

крываю старый книжный шкаф, полки которого прогибаются под тяжестью томов. Нахожу «Войну и мир». Тяжелый второй том лежит на самой верхней полке. Аккуратно достаю его, открываю, и вижу плотный конверт. Сердце замирает. Бабушка всегда обо всем думала. Даже о своей смерти. Наверное, она предчувствовала...

Слезы снова душат меня. Открываю конверт. Там довольно крупная сумма. Этого вполне хватит на достойные похороны. Бабушка всегда была скромной. Не нужно никаких пышных церемоний, главное – чтобы она покоилась с миром.

Мы договариваемся с агентом обо всех деталях. Он обещает мне, что все организует в лучшем виде и завтра уточнит о дате и времени похорон. На этом и расходимся.

Я снова завариваю себе чай. Завтра мне предстоит трудный день. Прямо с утра я поеду к Игорю. Вчера я забежала к нему, но его секретарь сказала, что он уже ушел и сегодня не появится. Нужно узнать все об опекунстве Антона. Я не успокоюсь, пока не верну брата.

А потом у меня встреча с агентом – нужно будет окончательно согласовать все нюансы похорон. На работе я взяла отгулы на неделю, надеясь за это короткое время решить все свои дела.

Пью горячий чай маленькими глотками, в надежде согреться. За окном уже темно, а в квартире стоит звенящая тишина. Тишина, к которой я никогда не привыкну. Раньше здесь всегда звучал бабушкин голос, доносился тихий стук

спиц, когда она вязала, пахло свежей выпечкой. Теперь же — лишь пустота.

Надо лечь пораньше. Завтра будет очень тяжелый день, и мне нужны силы. Но как уснуть, когда сердце разрывается от боли, а в голове роятся тревожные мысли? Нужно постараться не думать ни о чем. Просто закрыть глаза и попытаться провалиться в сон. Хоть ненадолго забыть обо всем этом кошмаре. Но знаю, что как только закрою глаза, передо мной возникнет бабушкин образ, ее добрые глаза, ее ласковая улыбка.

Слезы снова бегут по щекам. Жизнь превратилась в сплошную боль. И конца ей не видно.

Засыпаю, и образ бабушки тает... Возникает образ Влада. Его поцелуй, его горячие руки и губы. Что тогда на нас нашло? Эта искра, вспыхнувшая между нами, была такой неожиданной, такой сильной. Это пьянящее чувство в груди, щекотание в животе. Во сне я так ярко вижу этого мужчину...

Его взгляд, такой пронзительный и одновременно нежный, словно он видит меня насквозь. Его улыбка, его руки на своей талии, тепло его тела, запах туалетной воды. Все это так реально, так живо, словно это происходит прямо сейчас.

В тот момент у входа в гостиницу, когда он взял мою руку в свою, меня пронзил мощный электрический разряд, мурашки побежали по телу. Тот поцелуй... Боже, этот поцелуй!

Он был таким страстным, таким чувственным, та-

ким...запретным. Я горела изнутри, теряла контроль. Все мои чувства обострились до предела. Я забыла обо всем на свете, кроме него. И сейчас, во сне, я снова переживаю эти ощущения.

Губы Влада нежно касаются моих, потом становятся более требовательными, более настойчивыми. Я отвечаю на его поцелуй, отдаваясь ему полностью. Хочу, чтобы этот момент длился вечно. Хочу почувствовать его близость, его тепло.

Просыпаюсь... это всего лишь сон. Горькая правда пронзает меня, как тысяча иголок. Влад – это лишь красивое воспоминание. А в реальности – боль, потеря и отчаяние. Антон... Мне нужно думать о брате. Он нуждается во мне. Нужно отбросить все эти глупые мечты и вернуться в реальность.

За окном уже во всю светит солнце. Меня словно током ударяет – подпрыгиваю на кровати, хватаю телефон. Девять часов! Черт! Адвокатский кабинет Игоря открывается в десять. Надо спешить, а я еще даже не умылась. Прыгаю в джинсы, натягиваю первую попавшуюся под руку толстовку, быстро привожу себя в порядок. Завтрак отменяется, главное – успеть.

Выбегаю из дома и сразу же понимаю, что день не задался. В городе дикие пробки. Машины стоят, как вкопанные, в метро толпы. С каждой минутой закипаю все больше. Кажется, что время тянется бесконечно медленно. Наконец-то добираюсь до нужного адреса только в одиннадцать часов. Уф, хоть не опоздала совсем.

Залетаю в приемную, пытаюсь отдышаться. Все здесь пропитано запахом дорогих кожаных кресел и властью.

– Добрый день, – здороваюсь с секретарём, говоря как можно приветливее. – Игорь у себя?

– Да, но у него важные клиенты. И вообще, вам следует вначале записаться к Игорю Евгеньевичу, – строго говорит девушка, рассматривая меня с головы до ног. Ее взгляд полон превосходства, словно я пришла просить милостыню.

– Он мой дальний родственник, думаю, он будет рад меня видеть, – через силу улыбаюсь секретарше. Не хватало того, чтобы эта курица еще строила мне препятствия. Держу себя в руках, чтобы не наговорить ей гадостей.

– Тогда присядьте, придется подождать, думаю, пару часов точно. У него важная встреча.

Пару часов! Мое терпение на исходе. Хочется развернуться и уйти, но я не могу себе этого позволить. Антон важнее. Приходится смириться и молча сесть в кресло. В голове прокручиваю все варианты разговора с Игорем, готовясь к лучшему. Просто уверена, что дядя не оставит нас с братом в беде.

Прошел час, нервы мои уже накопились до предела. Что можно обсуждать так долго? Каждая минута ожидания стоит мне целого года жизни. Но я не могу просто сидеть сложа руки, я должна что-то предпринять. Жду, когда строгая секретарша выходит из приемной, и, улучив момент, быстро влетаю в кабинет своего дяди.

Прямо с порога, задышавшись, начинаю выкладывать все как на духу:

– Игорь, пожалуйста, только ты можешь нам помочь. Бабушка умерла, Антона забрала опека. Мне его отдадут только в том случае, если я сменю работу и выйду замуж... – слова вылетают из меня, как из пулемета. Все мои надежды сейчас сосредоточены в этом кабинете, в этом человеке.

Дядя меряет меня ледяным взглядом. Кажется, я ошиблась, обратившись к нему. В его глазах нет и капли сочувствия, лишь равнодушное презрение.

– Пошла вон отсюда!

Слышу эти слова и пачусь назад. Они словно удар хлыстом. Боль, разочарование, бессилие захлестывают меня. Все мои мечты, надежды на помощь рушатся в одно мгновение. Я стою, как оплеванная, в дверях его роскошного кабинета, осознавая, что мне не к кому обратиться. Я одна. Совершенно одна. И мне никто не поможет.

Глава 10

Влад

После ночного перелета из Питера обратно в Москву я сразу же еду на встречу с адвокатом Анжелики. Входя в приемную Берестова Игоря Евгеньевича, сразу замечаю свою мачеху. А она скоро на подъем. Быстрее меня добралась в столицу. Наверное, у нее какая-то супер-метла. Похоже, она настроена решительно и не собирается уступать ни пяди. Её надменная физиономия говорит об этом красноречивее любых слов.

– Владислав Сергеевич, проходите, располагайтесь. Берестов Игорь Евгеньевич, – представляется мне солидный мужчина лет сорока пяти. Производит впечатление зубра юриспруденции, и взгляд у него цепкий, изучающий. Придется попотеть, договариваясь с ним.

– Рад познакомиться, – мы пожимаем друг другу руки. Хватка у него крепкая, уверенная. – Предпочел бы, чтобы мы перешли сразу к делу. Время – деньги, особенно в моем случае.

– Так и будет. Я изучил вашу проблему с Анжеликой Викторовной. У нас есть встречное предложение к вам. Вы отказываетесь от идеи женитьбы и наследника, и добровольно передаете моей клиентке одну четвертую часть компании, а взамен вам достается квартира в Санкт-Петербурге и вилла

в Испании.

- Вы издеваетесь? – Мои брови взлетают вверх от такого наглого предложения.

И началось долгое обсуждение. Я сразу предложил им приличную сумму взамен на отказ от доли компании. Да уж, честно говоря, надеялся отделаться малой кровью. Предлагал деньги, которые позволили бы мачехе безбедно существовать до конца жизни. Но адвокат наотрез отказался. Не удивлюсь, если он сам и подбивает Анжелику на эту авантюру, предвкушая свой процент с прибыли.

– Анжелика Викторовна сама хочет распоряжаться этим имуществом, если оно ей достанется по закону, – сказал Игорь, глядя мне прямо в глаза. В его тоне чувствуется твердость и непоколебимость. Похоже, торги будут долгими и изнурительными.

Мы еще долго о чем-то спорили, пытаюсь найти компромисс. Уступать нельзя, иначе меня просто заедят. Эта война только начинается, и исход ее пока неясен.

Вдруг дверь открывается, и в кабинет влетает молодая девушка. Одного взгляда хватило мне, чтобы понять, что передо мной моя старая знакомая... Арина? Что она здесь делает? Мир тесен, как говорится.

Слушаю Арину, и внутри все сжимается в тугий узел. Ее голос дрожит, как осенний лист на ветру. Девушка, не замечая нас с Анжеликой, выпаливает свою проблему Игорю, словно торопится вылить всю боль, накопившуюся внутри.

Смотрю на ее лицо – в глазах отчаяние, в голосе – мольба. Ей нужна поддержка. Перевожу взгляд с нее на Берестова. Дядя Игорь... Видимо, никто и никогда не видел его таким потерянным. Судя по отзывам, которые ходили в деловых кругах, он – кремень, мастер дипломатии и жестких сделок. А сейчас... сейчас он просто раздавлен. Эта внезапная буря под названием Арина явно не входила в его планы.

- Пошла вон отсюда! – Слышу его жестокие слова, адресованные Арине.

Арина резко обрывает свой монолог, в ее глазах – горькое разочарование. Пятится назад и быстро выходит из кабинета.

Берестов поворачивается ко мне. В его глазах – сталь.

- Ну и цирк, – цедит он. – Надеюсь, вы не приняли все это близко к сердцу. Просто избалованная девчонка, дальняя родственница.

- Да уж, с такими родственниками и врагов не надо. – Усмехается Анжелика. – Сразу видно, наглая попрошайка! Пусть сама решает свои проблемы. Игорь, даже не вздумай ей помогать, а то очень быстро на шею сядет.

Берестов чуть заметно дергается от ее слов, но тут же берет себя в руки. Взгляд его скользит по нам, словно оценивает ущерб.

- Давайте забудем об этом недоразумении, - говорит он, придавая голосу обычную уверенность. - У нас с вами очень важное дело.

Берестов все еще что-то бубнит о разделе моей компании, но его слова доносятся до меня словно сквозь толщу воды. Мысли мои уже далеко, они в стремительном полете к хрупкой фигурке, только что покинувшей этот кабинет. Достаяю телефон, пальцы быстро набирают сообщение Алексею, моему водителю:

«Любой ценой задержи девушку, которая только что вышла из конторы Берестова. Если понадобится, запри в машине до моего прихода. Я скоро».

Отправляю. Доверяю этому человеку, как самому себе. Уверен, он не подведет.

Поднимаюсь с кресла, отрывая Берестова от его монолога, который, уверен, не блещет оригинальностью.

– Я все обдумал, – говорю четко и громко, чтобы заглушить его недовольное бормотание. – У меня есть ровно год, чтобы решить все вопросы с завещанием, так что сейчас нам еще говорить не о чем. Свою долю, Анжелика, ты получишь через этот промежуток времени, и то, если я не выполню условия завещания. Так что, встретимся через год. Приятно было познакомиться, Игорь.

Решительно пожимаю руку адвокату, ловя его недоуменный взгляд. Мачеху даже не достаиваю прощального кивка. Мне плевать на ее планы, на ее деньги, на все, что он пытается мне навязать.

Выхожу из конторы, и быстрым шагом иду к машине, гадая, удалось ли Алексею задержать Арину. Сердце колотит-

ся, предвкушая встречу, исход которой пока не ясен даже мне самому.

Едва открываю дверь, как девушка бросается на меня, словно дикая кошка. Инстинктивно отступаю назад, принимая град слабых, но яростных ударов. Царапает, бьет кулачками – смешно. Усмехаюсь, чувствуя ее бессильную ярость.

– Удар слабоват, – констатирую, оцениваяюще глядя в ее глаза.

– Ты? – в ее голосе звучит шок, переходящий в гневное негодование. – Какого черта ты себе позволяешь! Меня похитили средь бела дня по твоему приказу?

Ее возмущение вполне оправдано, но сейчас не время для извинений. Смотрю на нее внимательно, подмечая каждую деталь. Молодая, хрупкая, но с внутренним стержнем, который чувствуется даже сквозь эту ярость. Светлые волосы, собранные в небрежный хвост, открывают чистое, немного наивное лицо. Синие глаза... в них плещется буря боли, отчаяния и какой-то обреченности.

– Есть разговор, – коротко бросаю, отрезая поток ее возмущений, толкаю Арину обратно в машину, и сажусь рядом с ней на заднее сиденье.

Оцениваю ее, словно редкий экспонат. Даже сейчас, в гневе, она прекрасна. Что-то во мне откликается на ее боль. Странно. Это совсем не в моем духе.

– Алексей, поехали. Рублево-Успенское шоссе, 114.

Водитель послушно трогает с места. Арина издает оглу-

шительный крик, от которого, кажется, лопаются барабанные перепонки.

– Стой! Куда ты меня везешь?

В ее голосе паника, смешанная с яростью.

– В ЗАГС. Тебе же это надо?

Вижу, как ее глаза расширяются от изумления. Она явно не ожидала такого поворота событий.

– Что?

– Послушай, Арина. Я сидел в кабинете у Берестова и все слышал. Тебе нужен муж и новая работа, чтобы оформить опеку над братом. А мне нужна жена, чтобы получить наследство отца. По-моему, мы могли бы друг другу помочь.

Предлагаю ей сделку, циничную и прагматичную, но, возможно, это ее единственный шанс, и мой тоже. Мне не нужна любовь, привязанность или что-то подобное. Мне нужна жена, формальность, и Арина идеально подходит на эту роль. Надеюсь, она достаточно умна, чтобы это понять.

А ребенок... Главное, жениться, а там у меня появится еще месяц, чтобы решить этот вопрос.

Глава 11

Арина

– Влад, ты издеваешься? – спрашиваю, с ужасом уставившись на мужчину, который вальяжно развалился рядом со мной на сиденье автомобиля. В голове не укладывается то, что сейчас происходит. Все это похоже на какой-то дурной сон, из которого никак не получается проснуться. Похищение среди бела дня, наг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.